

Рецензируется концерт, прошедший в Малом зале имени А. К. Глазунова, посвященный 100-летию А. Н. Должанского. Прозвучала музыка И. С. Баха, Д. Д. Шостаковича, П. И. Чайковского — композиторов, чье творчество постоянно находилось в центре внимания выдающегося музыковеда. Блестящее исполнение было достойно памятного вечера.

A critique on the concert dedicated to the centenary of A. N. Dolzhansky at the St Petersburg Conservatoire Glazunov Hall. The concert program included a number of compositions by Bach, Shostakovich and Tchaikovsky — the composers whose creative work had always been the focus of attention for the outstanding musicologist. The brilliant performance was quite equal to the commemoration project.

Ольга ЛОНШАКОВА

Концерт-посвящение

«Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Уплююсь... и, может быть, утешен буду я
Любовью...»

А. С. Пушкин

(из поэмы «Андрей Шенье», 1825)

Эти пушкинские строки, которыми И. Г. Райскин открыл 25 сентября в Санкт-Петербургской консерватории Чтения памяти Александра Наумовича Должанского, стали не только эпиграфом к самой конференции, но и камертоном всего мемориального дня, завершившегося концертом в Малом зале имени А. К. Глазунова. Сентябрь — особый месяц в календаре памятных дат Александра Наумовича: 12-го ему было исполнено 100 лет, 21-го его, едва перешагнувшего 58-летний рубеж, не стало, а 25-го — день рождения композитора, творчеству которого он посвятил всю жизнь, Д. Д. Шостаковича. И музыка Шостаковича, и музыка других композиторов, также бывших главными и любимыми объектами исследований Должанского: Баха, Бетховена, Чайковского, — присутствовала как в докладах участников Чтений, так и в программе юбилейного концерта.

Откровенно говоря, далеко не каждая памятная дата собирает такое количество ярчайших личностей. В рамках конференции прозвучали сообщения Н. А. Герасимовой-Персидской, А. И. Климовицкого, Е. В. Титовой, И. Г. Райскина, Э. М. Гусейновой, И. М. Приходько. Что же касается концерта, то особую, символическую ноту ему придало участие родных внуков Александра Наумовича, уже состоявшихся мастеров фортепианного

искусства: Надежды Рубаненко и Петра Лаула, в содружестве с такими известными музыкантами, как Рувим Островский, Илья Грингольц и Дмитрий Коузов. Выбор произведений, сделанный исполнителями, говорит сам за себя: Бах, Шостакович, Чайковский.

Открывала концерт Надежда Рубаненко баховской Партитой ми минор (BWV 830). Нужно сказать, что со времен выпуска это первое выступление пианистки в стенах Alma mater, что для любого артиста всегда является нелегким испытанием. Разумеется, ни на качество, ни на степень индивидуальности исполнения это никак не повлияло. В единстве было всё: и высочайшее внутреннее напряжение, создающее цельность и устремленность формы, и проявляющиеся в разных типах движения разные характеры, и камерность, изысканность динамики с преобладанием *p-mf*, лишь к концу накаляющейся до *f*, и мягкий, теплый звук с «дымчатými» отражениями на педали, и... Это был совсем не музейный Бах, а наш живой современник, и изумительное певучее голосоведение было так не похоже на ставшие сейчас привычными графичность и сухой звук! Впечатляли и внешняя манера игры, заставляющая вспомнить о трагическом аффекте времен барокко, и стильный черный сюртук, настраивающий на торжественные портреты баховской эпохи.

Вторая соната Шостаковича прозвучала у Рувима Островского очень ярко и убедительно. Это музыкант высочайшего уровня, один из самых интересных исполнителей в последнее время. В числе замечательных его качеств надо назвать способность ни на секунду не отпустить слушателя, постоянно держать темпоритм (если воспользоваться театральной терминологией), умение слышать всю фактурную жизнь произведения, невероятную устремленность и безупречную выстроенность формы в сочетании с вниманием к мельчайшим деталям текста и тончайшей динамической нюансировкой. Ведь Вторая соната — суровое испытание для любого пианиста: ее особая аскетичность требует большой художественной чуткости и, безусловно, таланта, а виртуозность в ней далеко не на первом месте.

Завершался концерт не менее прекрасным «музыкальным мемориалом» — Трио «Памяти великого артиста» П. И. Чайковского, в исполнении Ильи Грингольца, Дмитрия Коузова и Петра Лаула. Все они принадлежат к молодому поколению музыкантов, но уже достигли великолепного мастерства и выступают в лучших концертных залах мира. Из-за напряженного концертного графика для репетиций было всего два дня! И надо быть действительно великолепными профессионалами, чтобы за

столь короткий срок суметь достичь согласованности ансамбля, идеального баланса солирующих инструментов. Исполнители, обладающие блестящей виртуозностью, играли вдохновенно, темпераментно и романтично.

Публика по достоинству оценила тот праздник искусства, кото-

рый предложили ей музыканты; солисты и ансамблисты не раз вызывались на сцену восторженными овациями.

* * *

Человек искусства живет не только в памяти поколений, не только в своих произведениях, но и в

своих учениках и последователях, в своих детях и внуках. И дань памяти, принесенная Александру Наумовичу Должанскому его коллегами и художественными наследниками, свидетельствует о том драгоценном вкладе, который внес в отечественную культуру этот замечательный ученый, музыкант и человек.

Marina MILOSLAVSKAYA

Multi-coloured music for harpsichord

Рецензия на концерт клавесинной музыки, прошедший в Малом зале имени А. К. Глазунова. Программа из сочинений И. С. Баха, Ф. Куперена, М. Березовского, Ж.-Н. П. Руайе, вызвала большой интерес слушателей и была прекрасно исполнена профессором национальной музыкальной академии Украины Светланой Шабалтиной (Киев).

A critique on the harpsichord concert at the St Petersburg Conservatoire Glazunov Hall. The program that included the compositions by Johann Sebastian Bach, Francois Couperin, Maxim Berezovsky and Joseph-Nicolas-Pancrease Royer roused a keen interest of the listeners and was excellently performed by Svetlana Shabaltina, Professor of the National Musical Academy of Ukraine (Kiev).

Марина МИЛОСЛАВСКАЯ

Многоцветие клавесинной музыки

Десятые Баховские чтения 24 сентября увенчались замечательным концертом клавесинной музыки в Малом зале имени А. К. Глазунова. Прозвучали творения композиторов XVI–XVII столетий в исполнении профессора Национальной музыкальной академии Украины (Киев) Светланы Шабалтиной. Талантливая клавесинистка, прошедшая стажировку у всемирно известной исполнительницы музыки барокко и ренессанса, несравненной Эльжбеты Стефаньской, киевская гостья снискала не меньшую популярность, и любознательный петербургский слушатель получил отличную возможность убедиться в заслуженности такой репутации.

Прекрасно подобранная программа смогла удовлетворить как непритязательный, так и самый взыскательный вкус: в ней сочетались произведения классиков клавесина — И. С. Баха, Ф. Куперена — и сравнительно мало известных в этой сфере мастеров: М. Березовского и Ж.-Н. П. Руайе. Большой интерес вызвали и необычные заглавия сочинений... Но обо всем по порядку.

С первых же прозвучавших аккордов сомнений не осталось: это мир музыки И. С. Баха. Токката для клавира e-moll (BWV 914), сложная, в четырехчастной форме, сначала мерной поступью, а потом бегом блестящих пассажей фуги, прони-

кала в сердца слушателей. Разнообразие красок требовало от исполнителя богатой нюансировки, тонкой техники владения инструментом. Иногда звук клавесина был подобен возгласам органа, и это производило особо сильное впечатление.

За многообещающим названием «Новый граунд» скрывались вариации на basso ostinato (подобное определение жанра нередко встречается в английской музыке). Г. Пёрселл создал превосходную минорную пассакалию, с хроматически сползающими скорбными аккордами в нижнем регистре и легким движением в верхнем. Ад и рай, небо и земля, горе и просветление — все эти контрастные образы и настроения композитору удалось собрать в этом небольшом, но очень эмоциональном сочинении.

Открытием вечера стали две сонаты для клавесина М. Березовского, C-dur и B-dur. Их рукописи были недавно найдены в библиотеке польских магнатов Чарторыжских, имени которых, своего рода «очаги» музыкальной культуры, в XVII–XVIII веках находились на территории Украины.

Небольшие одночастные сонаты — это изящные миниатюры, филигранность формы которых прежде всего поражает слух. Экспозиция, разработка и реприза вполне согласуются с канонами классического сонатного Allegro. Летя-

щие пассажи главной партии, нежная лирическая мелодия побочной, скромное развитие и заключение — вот и весь секрет несложных, но очаровательных опусов.

Название сочинения «Le vertigo» Ж.-Н. П. Руайе в переводе с французского означает «прихоть, причуды», и это полностью соответствует характеру музыки. Игривости и легкости способствуют особенности артикуляции, разнообразные мелизмы, а недолгие моменты более сумрачного настроения связаны с хоральной фактурой в параллельном миноре.

Выдающийся французский клавесинист Ф. Куперен, прозванный Великим, предстал перед слушателями с разных сторон. В небольшой пьесе «Тростники» он — мечтатель, музыкант элегического склада. Но в совсем ином ключе выдержан цикл «Французские фолии, или Маски домино».

Уже в самом названии здесь скрыта игра слов. «Les Folies Francaises» можно трактовать и как «Французские безумства...», и как «Французские фолии», то есть аналог «Испанской фолии» — популярного в ту эпоху напева, хорошо известного и поныне как тема многих инструментальных вариационных циклов. В данном случае оба перевода названия не лишены оснований.

Двенадцать миниатюрных зарисовок-вариаций (с преобладанием